

ЧАСТЬ 1

ХОЗЯИН

БУРИ

РОМАН

18+

Мария Кулагина

Хозяин Бури

<https://litres.ru/73847561>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга пишется прямо сейчас.

1664 год. Карибское море.

На родине его имя стерли. В 1661 году его осудили за измену, но, вынуд из петли, отправили на каторгу. Он выжил. Он вернулся, чтобы собрать своё имя заново.

Она дочь его врага, выставленная на торги после захвата её корабля.

Он покупает её не ради мести. Она становится для него не заложницей, а единственным якорем в мире, где предательство — норма, а честь — роскошь.

Им предстоит пройти через шторма, сражения и дворцовые интриги, чтобы понять: иногда единственный способ спасти себя — спасти другого.

«Хозяин Бури» — это не историческая реконструкция. Это история о том, как человек, потерявший всё, учится жить заново. И о любви, которая не исцеляет, но даёт силы идти дальше.

Для вдумчивых читателей. Кто ценит не только динамику, но и сдержанность. Психологическую глубину, а не пафос.

Кому важнее живые люди, а не картонные герои, верность духу времени, а не пряный колорит.

Содержание

Глава 1. Дорогая покупка	5
Глава 2. На борту	16
Глава 3. Капитан Эспада	25
Глава 4. Подвиги сеньора Хуана	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мария Кулагина

Хозяин Бури

Глава 1. Дорогая покупка

1 февраля 1664 года

Casus belli. Fecit quot potuit.

Небо выцветало к полудню, сгоняя тени к углу площади. Тени редели, тащили за собой ленивую прелую влагу, оставляя на щербатой мостовой горячую пыль и зной. Торг почти закончился, и невольников увели под навес. Но потное море пестрых одежд колыхалось возле помоста, где солнцу досталась голова светловолосой девушки.

На тёмном дереве, отполированном ногами таких же несчастных, её молочно-белое тело смотрелось дико и призывно. Ее укрывал только плащ из длинных вьющихся волос.

И покупатели не торопились. Ковыряли в зубах, проверяли тощие кошельки больше для вида, чем для сделки. Похотливо скользили глазами вдоль бёдер пленницы. Чьи-то пальцы касались тонких лодыжек.

Девушка была недвижна. Её глаза умирали. Всё вокруг превращалось в сплошной белый шум. Без голосов, мыслей и света.

Молодость не знает, что боль конечна. Поэтому, потеряв

надежду и предсмертный стыд, она не думала о боли.

Мучитель был рядом. В ее ноздри бил пряный запах его пота и тяжелых маслянистых духов. Багровым пятном где-то сбоку темнела его фигура.

— *Santa Mater Dei! Miserere mei! Miserere mei! Miserere... miserere...* ¡Ten piedad de mí! — пересохшие губы еще могли шептать. Но не осталось сил ни для надежды, ни для молитв.

Небо не извергнет праведный гром. А льёт лаву солнечных лучей. Сюда не доносится бриз — он умер по дороге. Пылает цветок, занесенный с Мэйна чуждым ветром, синева глаз теряется в золоте волос, но склонить голову даже на миг — хуже смерти... Догорает гордость.

Волны человечьи ещё катились, но выплеснули на середину малого круга рядом с помостом ещё одну фигуру. Зеваки расступились и пропустили кого-то к лицу пленницы.

Перед собой она видела только крепкую загорелую шею, белоснежные завязки прямого воротника, которые выбились из простого серого камзола. В глаза ударил блик от серебряных накладок на тёмной перевязи. Нос щекотал хвойный смолистый запах какого-то настоя из фляги, что он держал в руке.

Несчастливая закрыла глаза. И вдруг нырнула в прохладу и темноту. Сквозь ресницы она разглядела, что незнакомец вытянул руку и теперь держал над ее головой почти отвесно свою широкополую шляпу. Он не оставил солнцу шанса добраться до неё теперь, закрывая этой тенью её всю, будто

крылом.

И жажду смерти переломило любопытство.

Пришедший молчал, но осанка и властные манеры выдавали капитана. Разношёрстная братия гоготала и уважительно кивала в ответ на его жест.

— Сколько ты хочешь за нее, Рамон? — немного глухой от зноя голос воплотился для несчастной в отзвук благодарственного псалма.

«Боже Правый! Кастильская речь!» — раненой птицей заметалась у страдальицы мысль.

— Ты опоздал, Ричи. Цена назначена, и повторять мне её не с руки, — холодным ливнем ударил ответ на английском.

— Цену, Рамон — уверен, что сойдемся, — всё тот же проклятый рычащий язык.

Она собрала остатки сил и не шевелилась. Взгляд покупателя был прикован к Рамону, но рука его по-прежнему держала тень над ее головой.

«Ужели, Господь услышал и внял?»

Тем временем Рамон решил торговаться. Голоса вокруг присмирели, но где-то рядом с помостом раздавалось громкое сопение. Какой-то воин сдавался жару. Рамон знал, что сможет выручить больше, много больше, если этот покупатель согласится.

Еще накануне торга он был готов отдать «чертову горячку» любому пройдохе. Пусть только внятно назовет цену — лишь такой исход мог бы вылечить его уязвленное самолю-

бие. С утра он прибил ее, выместив досаду от крепости ее зубов и упрямого молчания.

Одновременно с жарой возросли и аппетиты торговца. Поэтому вождения многих уже были поправлены. Лениво прохаживаясь возле своей жертвы, он задумчиво поигрывал тростью. Этим орудием он обзавелся не только для прогулок по молу...

Обреченная на полуденный ад понимала лишь обрывки фраз.

— Две тысячи песо. По старой дружбе! — ухмыляясь, ответил Рамон по-испански.

Удивление в поредевшей толпе всколыхнуло пыль. Раздались азартные причмокивания. Из хмельных уст выплескивались, порой, ехидные замечания о том, чем же Рамону угодила девушка, раз продает он ее по королевской цене.

Новый покупатель и бровью не повел.

Жестом обыденным и небрежным подозвал одного из своих людей и отдал флягу. А затем швырнул под ноги Рамону увесистый кошель. Словно желал избавиться от надоевшей вещицы.

Подошел к девушке вплотную и надел шляпу ей на голову. Пальцы его быстро и деловито скользнули по ее плечам, будто проверяя, может ли она еще стоять. Рамон пытался поддеть кошель за завязки концом трости. А покупатель, прищурившись, бросил ему через плечо:

— Это первая часть. А вот вторая, — с этими словами

он извлек из кармана малиновый бархатный мешочек. — Во сколько оценишь? — и выложил на ладонь овальную золотую брошь, в центре которой пронзительно зеленел изумрудный кецаль.

Пленница подобрала остатки своих одежд и замерла. Потное марево ответило довольным рокотом. Рамон послал помощника. Юркий малый забрал драгоценность, неторопливо проверил чистоту камней и заскользил по пыли назад к своему капитану.

Рамон метнул ядовитый взгляд на покупателя, нагнулся и поднял кошель.

— Бери ее, Ричи, — процедил он.

Новый владелец подал девушке руку, чтобы помочь сойти с помоста. Она послушно вручила ему свою, взор ее блуждал и был темен. Едва рука ее нашла опору, мир в глазах заколыхался, раскаленный обруч боли стянул голову. Волна дурноты тащила ее в темноту. Зрители подбадривали нового хозяина развязным хором и готовились расходиться.

Она отныне не видела, не понимала, но ощущала вслепую, как он подхватил ее, заслонил от солнечной ярости и перенес в тень. Горячие сухие пальцы разжали губы и влили немного воды в измученный рот... Сырая тряпица пробежалась по лицу и легла на лоб.

Сквозь болезненный туман она слышала, как на песок выплеснули ссору... Скомканное эхо голосов — чертыхания, бессвязные выкрики из толпы ... лязг оружия...

Чье желание перевесит? И желание ли?

Продешевил. На лицах за спиной Рамона, разжившегося в одночасье золотом, мелькала зависть. Но этот народ не будет кусать губы, а тут же извратит чужой успех. В глазах зевак Рамон читал предположения, как приятно проведет вечер другой. Испанки умеют благодарить.

Мутные течения его души достали старые счета, давнюю обиду за потерянный приз. «Этому довольно лишь побриться, чтобы получить девчонку. Стоит, что лорд, а по стати все одно — каторжник».

— Рикардо! — рявкнул Рамон по-испански. — Я передумал. Верни ее!

— Я заплатил сполна, Рамон. Девушка моя, — ответил новый владелец, пытаюсь воскресить пленницу.

— Верни мне ее, черт побери!

— Сделка совершена.

Рамон поминал английских шлюх, рождающих таких упрямец. Англичанин даже не обернулся. Он заворачивал покупку в плащ и устраивал ее на руках. Рамон шумно втянул воздух, отбросил ножны и выкрикнул по-английски:

— Ричард, ты вернёшь её! Будь я проклят!

Английский капитан остановил своих людей. Матросы заслонили его, оцетинившись тесаками.

— Люк, держи ее голову повыше и давай пить.

За плечом у Ричарда возник рыжеволосый легконогий малый. Он убрал оружие, закатал рукава и принял ношу капитана, будто рулон драгоценного шелка.

— Да, сэр.

Ричард нехотя сдернул камзол, отдал его подоспевшему юнге. Мальчишка угрем крутился неподалеку. А теперь набился капитану в пажи, вывернувшись у него из-под локтя. Испанец выжидающе косился на приготовления противника.

— Изволь, поиграем... — усмехнулся англичанин.

Любопытные гуляки из соседнего кабака прервали попойку и присоединились к честному собранию — не смогли пропустить развязки.

Ричард пошел в круг, который образовали два десятка потных тел. И вынул палаш. Сморщившись, повел правым плечом и перехватил оружие в левую руку. Пальцы сами нашли хват, гарда закрыла кисть.

Говор скучающих пьяниц притих. Удивил.

Рамон не стал ждать. И налетел на него. Длинный и точный выпад в корпус. Почти впритирку. Но Ричард ушел в сторону, не желая портить рубаху до времени. И следом без передышки принял хлесткий удар сбоку. Рамон пытался перевести клинок от плеча к ребрам. Ричард принял удар на гарду. Сталь визжала, высекая искру.

В толпе раздался гул одобрения. Рамон отступил на полшага, тяжело дышал, перехватил палаш поудобнее, выбирая момент.

Ричард стоял на месте и тоже выдыхал. Косился на тень под навесом, где на руках матроса осталась девушка. Юнга мерил шагами пыльный помост, не выпуская флягу из рук.

Жажда подступала сильнее. Но капитан не рвался в атаку, шурясь на солнце, которое пока играло против него.

«Собьется. Непременно. Хромает и дергается А пока — сунуть его под солнце».

Рамон двинулся вперед. И рванулся быстрее. Зло и хлестко обрушил рубящие удары. Без пауз, с подшагом и желанием задеть нахала, пока остались силы. Но хищный и точный ритм первой атаки повторить не смог. Ричард отобрал право находиться посолонь.

Рамон на мгновение осекся на полушаге и замахнулся широко, но слепо. Ричард не ушел назад, а шагнул к нему вплотную. Рамон не понял, что случилось. Миг назад он рубил. Но вдруг англичанин оказался внутри атаки у него сбоку. И сталь в рабочей пахоте скользнула по ребрам, проводя по телу жгучую длинную полосу.

Рамон застыл. Лишь мгновение смотрел вниз. Рубаха заплывала багровыми замыками, набухая кровью. Потом хрипло застонал, выронил клинок и рухнул на колени, поднимая сизое облако песка. Он зажимал руками рану.

Лицо «матадора» стало землистым. Он пошатнулся, но сохранил равновесие. Нагнулся к раненому и запустил руку в карман его камзола. Достал намокший от крови бархатный мешочек. Вытер о полу камзола свой клинок и предоставил

Рамона его матросам.

Те лишь, стиснув зубы, окружили своего капитана. Тот перемежал проклятия с громкими стонами, но сознания не терял.

Если Рамон когда-нибудь рьяно пожелает — получит свой golpe de gracia позже.

Полуденное сито рассеяло толпу так же быстро, как любопытство ее собрало. Ричард опустился на край помоста, принял флягу из рук мальчишки. Ипил, прокатывая можжевелевую горечь в горло.

Наконец, забрал свой трофей, находившийся в полуобмороке, из рук матросов и медленно побрел на корабль, стараясь не причинить по пути девушке беспокойства.

— Мешок с требухой совсем зарвался, — сдвинул брови Люк. Он шел рядом с капитаном, попеременно вглядываясь то в его лицо, то останавливаясь на сомкнутых веках девушки.

Капитан молчал, смотрел на приобретение и следил за частотой шага.

Юная сеньора покоилась в его руках, как в колыбели. И казалась совсем девочкой. Синяки на виске вызывали приступ бешенства у всех идущих. Но к ней возвращался румянец. С губ пропала тревожная белесая полоса, которая выдавала крайнюю жажду.

«Слишком хороша для этой свиньи — играл желваками

капитан. —Его стоило проучить хотя бы за такое обращение с ней. Следы побоев, порезы... И она все это вынесла?»

У причальной стенки он задержался, приказывая матросам держать шлюпку, чтобы меньше качало. Заняв место на корме, он положил голову девушки к себе на плечо. Качка усилилась, ближе к рейду спадала жара и крепчал ветер. Грудь девушки поднималась, она смотрела на спасителя сквозь ресницы, утонув в складках плаща. Ее волосы щеко-тали щеку и забивались в нос. Ричард чувствовал, что ее рука держалась за край его рубашки.

Он сдвинул светлые пряди и подставил лицо ветру.

«О, и я в тот же омут, куда часто заглядывает Люк. Нет Купидоновым шуткам числа. Вот и меня превращают в осла».

Люк сидел на соседней банке и греб вместе с остальными. Будто слыша мысли капитана, он весело стрелял зелеными глазами и улыбался.

Ричард прижимал девушку к себе, когда они заходили на волну и хмурился. Ветер освежил уставшую голову. А еще настойчиво возвращал давние воспоминания.

Он не желал узнавать. Но нежный абрис лица, изящный точеный нос и небольшая родинка на щеке не оставляли выбора.

«Сомнений нет — Беларусь. Быстрее бы найти применение этой покупке. Обошлась дорого, но сулит, пожалуй, немалый куш».

Пояснения:

Эпиграф: *Casus belli*. — повод к войне (лат.)

Fecit quot potuit. — сделал, что мог (лат.)

Santa Mater Dei! Miserere mei! Miserere... Miserere... ¡Ten piedad de mí! — Пресвятая Матерь Божья! Помилуй меня! Помилуй.... Помилуй... Сжался надо мной! (лат., исп.)

Мэйн — побережье Мексиканского залива, включая полуостров Юкатан. В XVII веке — зона активного пиратства и испанского колониального контроля. Для пиратов и буканьеров «Мэйн» означало одновременно и богатую добычу, и смертельную опасность.

Кецаль — священная птица индейцев Центральной Америки, символ свободы (считалось, что кецаль не выживает в неволе). Её длинные бирюзовые перья ценились на вес золота и использовались в качестве валюты и украшений.

Golpe de gracia (исп.) — «удар милосердия», «смертельный удар».

Глава 2. На борту

1 февраля 1664 года,

Шхуна «Ривендж»

К вечеру Ричард распорядился не шуметь и не жечь огня. Он запер дверь и долго смотрел в темноту. Лунный свет пробирался в каюту через открытое окно и серебрил уставшее лицо юной сеньоры.

Ричард затеплил свечу, аккуратно избавился от камзола и французского батиста, натянул привычную крапивную рубаху.

Принес воды сам, разложил травы и бинты, поставил ширму, перегородив тесную каюту почти пополам. Сгреб со стола бумаги и приборы и устроил лазарет.

Долго ругался, ударившись об угол стола и громыхнув медным тазом о табурет. Но страдальца спала спокойно. Между сном и беспамятством границу, верно, еще не перешла.

Наконец, капитан вытащил из гамака доктора. Днем он отпустил его на берег.

Месье Арман, умница француз, несмотря на страсть к шелку и бархату, на корабле был своим. Когда по капитанскому дозволению на леерах, порой, висели украшения из подштанников доктора, матросы только посмеивались.

— Бабу завели! — гнусавили на шкафуте рослые голландцы.

— Эта баба тебе ногу оттяпает, не моргнет, — кидали им в ответ англичане.

Вкусив радостей побережья, месье пытался отправиться спать. Разложив припасы притирок и мазей на столе, он открыл куль с засахаренными орешками. Тело доктора вошло в тот возраст, когда начало полнеть. И он в дневные часы глодал курицу и горошек. А ночью сдавался. На берегу раздобыть жженный сахар или бисквит было проще. Но с капитаном про сии излишества говорить не приходилось.

— Сэр Ричард не жалует сахар, — говорил Саймон Райт, старший помощник. — Да и у меня до сих пор в носу запах патоки.

Доктор молчал. Ведь за общим столом капитан не делал запрета. А те, кто рубил тростник вместе с ним у доброго плантатора мистера Картрайта, плевались на сахар, и, порою, пили больше других.

Капитан же просто любил выжать в рот лимон, когда один, а в приличном обществе предпочитал тортильи с медом.

Доктор вполуха слушал ребят, ходивших с капитаном на площадь. Те возбужденно гудели, перемалывая впечатления. А когда капитан явился сам, доктор оставил все, не дав и мгновения ожидать себя.

— Что скажете, Арман? — капитан сидел за столом, от-

вернувшись, пока месье делал осмотр.

— Только то, что товар прекрасный. И достался вам в целости. Воплощением неоспоримых достоинств, — доктор вздыхал, накладывал больной холодный компресс и прятал глаза.

— Язвите, доктор? — Арман дернулся и ахнул: лицо капитана было в пяди от него. Ричард подобрался к нему без шума.

— Мне ничего не остается. Если даже вы склонились к пороку.

— Смотря к какому, — Ричард сел на край кровати возле спящей, будто закрывая ее телом.

— Люди говорят, вы заплатили изрядно за это развлечение.

— Это выбор, Арман. Могу себе позволить эту вульгарную ересь. — капитан осторожно поправил компресс на груди у девушки. Поджал губы и выдал:

— Элисия де Беларус.

— Сэр Ричард...это же...— доктор вскочил.

А капитан устало продолжил, словно вложил в последнюю фразу все силы.

— Я еще не стал крокодилем, господин доктор. Чтобы тут же сожрать, что захватил. Это выгодное вложение, — Ричард осторожно поднялся и пошел к столу. Арман занял табурет возле кровати и опасливо молчал.

— Рамон тоже ждал выкуп. Но почему решил продать се-

ньюру? Это первый вопрос. И через какого посредника связался с ее отцом?

Тон капитана терял остатки тепла, пока не превратился в стальную нить.

— Капитан, вы уже почти сутки сидите подле нее. А мне вы предъявляете голый цинизм, приправленный раздражением?

— Забываетесь, Арман.

— Простите. Давайте я вас осмотрую. Негоже в такую жару сидеть без перевязки.

— Прошу, — Ричард стащил рубаху и отошел к свету.

Арман снимал повязку, неторопливо накладывал мазь на лопатку капитана и продолжал молчать. Так вернее.

— Вот, значит, какая теперь цена жизни. Это вам не жалких двадцать фунтов за одну каторжную душу. Слишком много для уличной девки. Но слишком мало для дочери гранда. Я не хочу обесценивать приобретение и запрошу полную стоимость.

Доктор качал головой, борясь с разочарованием.

Капитан потушил догорающую свечу.

— Меня точит иная жажда, месье. И это не алчность. Ступайте.

Доктор затворил дверь с глухим скрипом. Капитан поднялся и выволок из угла ошметки тафты и муслина, чтобы отнести этот мертвый кокон прочь. Стоило проверить сундук. Недолго сеньоре ходить ундиной.

На пол с металлическим звоном упала какая-то вещь. Ричард отбросил ткань и поднял с пола маленький золотой медальон.

Он поднес руку к окну и рассмотрел находку. Изящная цепочка и тонкий резной корпус, снабженный скрытым замком. На обратной стороне строгим латинским шрифтом значилась гравировка: «1645».

«Ткань французская, золото английское. А в доме Диего Белареса расцвела такая фламандская красота. Что ж, уберем до времени».

Капитан наощупь прикрепил к потолочным крюкам гамак и ненадолго провалился в сон.

Она плыла в теплом море. Чьи-то руки умерили боль в спине, наложили прохладную мазь на саднящие лопатки. Такое беспмятство было лучше смерти. Не стояли рядом тени убитых матросов, причитающих служанок. Не скалились в желтозубой ухмылке лица мучителей. Будто эти руки отсекали у них не только желание обладать ею, но и саму возможность являться в сны.

Ей осторожно размыкали губы и поили пряным отваром, от которого сон был крепче. Она была в окружении детских воспоминаний, нежилась в руках родных и не хотела просыпаться. Но грезы становились рыхлыми: она слышала голоса.

Два голоса звучали вдали, будто ее ждали на побережье. Один из них она узнала. И решила пойти на этот звук.

От невозможной синевы ее глаз у него пропало дыхание. Он силился отвернуться, но горло сдавил сухой хрип. Словно от давней жажды.

Будто душа его стояла на выщербленной боем палубе. А навстречу ей плеснули картечью. Болело внутри. Там, где горькая взвесь пепла и новой земли образовали в сознании холмы, закрыв дыры.

Она смотрела. Безымянная на безымянного. Как в темную воду или чужие покои. Его глаза были привычного ей карего цвета.

И она нашла силы потянуться. Пальцы правой руки были затянуты в бинты. И не болели. Она сжала кулак, ожидая боли. Суставы, которые Рамон накануне с таким наслаждением вывернул, превратив порыв сломать сразу в двухдневную пытку, не отозвались.

Он не отвел взгляда, лишь молчал и хмурился. Чуть поперхнувшись, протянул ей кружку с питьем.

Она приподнялась на локте, еще не найдя минуты для смущения или стыда. Ведь была завернута в простыню.

Пила долго, украдкой глядя перед собой.

Подняв глаза, скользнула краем зрения по его лицу: вдоль загорелой левой щеки тянулся старый шрам, уходя в бороду. Лоб и линия скул сделали бы честь патрицию. Это лицо ваял умелый скульптор. Но щеки были обветрены, а длинные темные волосы — подернуты проседью.

Он сделал глоток из кружки и облизал губы. Твердые и жестко очерченные.

Она подвинулась чуть дальше к стене. Он сидел на низком табурете рядом с узкой кроватью, где лежала она. Слишком близко.

Он встретился с ней взглядом. Лицо молодо, но в глазах другое течение времени.

— Вам нужно уснуть, — тихо сказал он. — Поспите. Нет сил, сон их даст. Ничего не болит?

Она прислушалась к себе. Тело благодарило за покой. Мысли еще не обернулись прежним кошмаром двух недель плена.

Она смутилась. Слышать звук его голоса, который вызвал ее назад, после того, как его руки мыли и боролись со следами побоев на ее ногах, было неловко.

— Н-нет, — прошептала она, стараясь спрятаться, — я посплю, сеньор.

— Кто вы? — вопрос был задан голосом, от которого хотелось пропасть. В лоб, как выстрел, едва Ричард переступил порог.

Девушка сидела на кровати, поджав ноги. Она заплела волосы и устроила из простыни закрытое одеяние. Под глазами еще лежали тени, но ресницы трепетали, а губы были влажными.

Ричард опустил сверток, который держал в руках, и спокойно прошел в каюту. Закрыв дверь, наощупь сдвинув щеколду.

— Зовите меня Рикардо, сеньора.

— И всё? — она удивленно вскинула брови. Но тут же замерла.

— Да. Рикардо. И всё, — кивнул он, мягко улыбнувшись.

— Доктор был у вас?

— Месье Арман считает, что мне уже можно вставать.

— Отрадно, — подытожил капитан и оглянулся на стол.

— О, вы даже не побрезговали едой. Значит, скоро сможем обсудить дела. Это ваше. Я опустошил лавочников.

Ричард посмотрел на сверток так, что не оставлял шансов продолжить разговор.

— Вам известно, кто я?

— Да, сеньора, — он ронял слова по капле. Будто не хотел питать ядом предстоящего разговора эти мгновения. — Позже о деле. Позвольте откланяться.

Слова благодарности остались при ней. И теперь жгли ее непрошенными слезами. Еще один в строю ее палачей. Но как такие руки могут калечить...

Пояснения:

Шхуна(от англ. *schooner*, нидерл. *schoener*) — тип парусного судна с двумя и более мачтами и косыми парусами на всех мачтах. В 1664 году, когда происходит действие романа, термин «шхуна» ещё не вошёл в широкое употребление,

а сами суда только начинали появляться. Первые известные изображения судов с шхунным такелажем датируются началом XVII века на голландских картинах.

Мы могли бы называть корабль словом «билáндер» (нидерл. *bijlander*, от *bij*— «рядом» и *land*— «земля», то есть «прибрежный») — тип небольшого двухмачтового торгового парусного судна, популярный в XVII–XVIII веках, особенно в Голландии.

Большинству читателей привычен именно термин «шхуна», поэтому этот двухмачтовый корабль и дальше в тексте будет называться шхуной.

Глава 3. Капитан Эспада

3 февраля 1664 года

Арман прожил в этих краях достаточно. Он давно соразмерил климат и особенности болезней, поражавших местный люд.

Доктор заключил, что человеческая натура — везде, в сущности, дрянь. Проявляет ли она лохмотья души и язвы тела здесь или в покоях грандов.

Но среди массы пороков, облепивших сердца здешних дельцов, он иногда встречал натуры цельные. Такие, к добру или к худу, шли по пути своих принципов.

Много бродило здесь публики с переломанным душевным хребтом или никогда его не имевшей.

Однако месье был почти счастлив, когда поднялся на борт юркой английской шхуны.

В блокноте доктора в те дни значилось, что рыба гниет с головы. Он бурно расстался с предыдущим своим патроном, сидел без гроша и почти побирался, не зная, прибиться ли к промышлявшим ведовством или податься на острова в поисках лучшей практики.

Но переменял мнение. Новый знакомый стал блестящим экземпляром в его коллекции местных типов.

Его происхождение и причины появления на острове для доктора не имели значения. У этого капитана не было ни одной из привычных Арману рекомендаций: репутации разгульного пьяницы, отчаянного смельчака и удачливого воротилы.

Доктор слышал, что этот темноволосый господин очень прочно стоит на палубе, никто до сих пор не мог свалить его с ног на берегу, заставить оступиться в губернаторском доме.

И никто не рискнул бы ему перечесть. Капитан слыл молчуном.

Но не держался угрюмым аскетом, скапливая капитал. Не расшаркивался, выполнял сделки, позволял себе батист и тонкий камлот как знаки своего положения. На борту же ходил в простой рубахе. Мог закатить пирушку для партнеров, но едва ли пил больше остальных. Скупал книги, если мог. Его ребята тащили ему весь бумажный мусор из сундуков. Корпел ночами над картами и разрешал доктору пользоваться своей столешницей для резекций.

Доктор был удивлён, узнав его кличку. Рикардо Эспада. Так его прозвали сами испанцы. А он, будучи англичанином, то ли в насмешку, то ли для устрашения не стал оспаривать верность своей руки. И достойно водил католиков долиною смерти. Ричард для команды. Для прочих — испаноговорящий выскочка, застрявший между мирами.

В первые дни знакомства Ричард предупредил доктора

сам, обозначив границы выгод:

— Есть три вещи, которые добавят вам средств и уважения: я щедро плачу за сведения о доне Диего де Беларесе, губернаторе Веракруса, я не прощаю предателей, я приму человека с любым цветом кожи, если наши интересы и принципы совпадут. Третье условие оправдывает себя не всегда. Да и второе, порою, хромает.

Но первое — самое верное получить золото.

Доктор запомнил. И не стал разубеждать капитана, что у него хватит такта не задавать вопросов.

Саймон Райт, квартирмейстер, был обычно немногословен. Но как-то вывел доктору краткую формулу отношений команды с испанским берегом:

— Это большая кровь, месье. И на эту месть сэр Ричард, как и все мы, имеет право. Он в этой тени с пятнадцати лет. Когда его отца лишила жизни рука дона Диего. А мы все с 61-го года. Один помост. Одна цепь. И один враг, пока благополучный.

Рука Элисии выводила слова на лучшей бумаге. Капитан очинил перо и подал чернильный прибор. Корсет удалось зашнуровать, бедра ласкали чистые юбки. К платью была приложена косынка, чтобы прикрыть заживающие плечи. Мантилья из тонкого кружева. Все, как пожелает сеньора.

Элисия проговаривала фразы, касаясь цепочки медальона. Капитан вернул потерю. И она благодарила. Но теперь

боялась поднять на него глаза.

Он провел черту:

— Сеньора, полагаю, после сиесты легче сказать о деле, чем до нее. Я принес кофе. Не откажите разделить его со мной.

Она впитывала бодрящую горечь, заедая белым хлебом. Он пил с закрытыми глазами маленькими глотками.

Наконец, поставил кружку так, чтобы она не наделала шума. Помассировал левой рукой костяжки пальцев правой и вздохнул.

— Ваши шаги будут тверже, а решения мудрее. Теперь слушайте и делайте выводы. Господь не обделил вас умом. Взвесить pro et contra вы уже способны, — он сидел напротив, положив обе ладони на стол. И смотрел на нее прямо.

Его взгляд был теплым, но Элисия схватилась руками за тело глиняной кружки с остатками кофе.

— Я капитан Эспада. Для вашей части побережья — смерть и разорение. Я не призываю к доверию или разговору. Хотя, признаться, давно питал надежду с вами поговорить. Вы, верно, знаете отношение ко мне вашего отца. Но судить нас обоих — не ваша стезя. Мало ли, что я хочу.

Элисия бледнела, но коснулась губами еще теплого края кружки и сделала глоток с усилием. Растянуть его слова, которые отчего-то уже резали ее. Он видел. И заговорил быстрее, чтобы покончить с главным.

— Мои условия вполне сносны.

Элисия разжала губы, набрала воздуха и ответила:

— Извольте их изложить, сеньор.

— Итак, первое: вы беспрекословно выполняете все, что я попрошу вас сделать.

— Прикажете?

— Именно. Второе: вы не оставите каюту без необходимости. Мне так проще вас защитить. И третье: вы не будете задавать лишних вопросов.

— Какие вопросы вы сочтете лишними, сударь? — Элисия переняла его ледяной тон с изяществом придворной дамы.

— Все, что касается команды, корабля и курса. А еще моих намерений.

— Гарантии, капитан. Я до сих пор не располагаю собой. Я ваш трофей. Но сейчас я могу требовать гарантий, потому что у меня немного больше сил, — она выпрямилась, поставила кружку в сторону и сложила обе руки на столешнице.

Он опустил ресницы, рассматривая ее тонкие пальцы. Наконец, вздохнул и возложив правую руку так, будто дает присягу, ответил:

— Вот моя рука и мое слово. Более мне нечего предложить. Здесь я отвечаю сам перед собой и перед командой.

— Не считите за дерзость, сеньор. Но позавчера вы ответили перед Господом за меня. Вам ли говорить о таких материях. Но мне показалось, что вы способны держать слово.

Ричард окаменел. Но согласно кивнул.

— Вы допишете письмо. Вот здесь, на этом клочке бумаги, мои условия выкупа.

«Дорогой отец! Мне предоставили возможность писать. Спешу сказать, что я жива и в добром здравии. Этим строкам можно верить.

Не могу с должной тщательностью изложить, что со мной случилось. Мои люди рассеяны, проданы или убиты. Молю Господа и Пресвятую Деву дать нам милость, отпущение грехов и спасение. Я отныне пребываю одна.

Но теперь судьба моя в руках капитана Эспады. Надеюсь, вам известно, что это за человек. Это сеньор просит у вашей милости двадцать тысяч песо выкупа за меня.

Прошу вас не печалиться за меня. Капитан всецело ручается за мою честь и жизнь, если указанные средства будут получены в срок. В противном случае за мою жизнь более никто проучиться не сможет.

Кроме того, этот сеньор просит вас быть готовым ответить на некоторые вопросы, касающиеся вас двоих.

О времени и месте встречи скажет его поверенный. Прошу отнестись к его словам с вниманием.

Положение мое, хотя и незавидно, но я не испытываю нужды, кроме возможности вернуться домой. Меня держат отдельно от команды.

Молю Господа за то, чтобы он одарил нас всех терпением и мужеством! Да оградят вас святые угодники от прочих скорбей!

Любящая дочь ваша,

Элисия.

Писано на борту шхуны «Revenge» февраля, 2 дня, сего, 1664 года».

Пояснения:

Камлот — плотная шерстяная или полушерстяная ткань, часто с добавлением верблюжьей шерсти. В XVII веке — признак достатка и хорошего вкуса.

Дон — испанский дворянский титул, употреблявшийся перед именем. Соответствует обращению «сеньор», но подчеркивает знатность рода.

Pro et contra — (лат.) «за и против». Формула, использовавшаяся в схоластических диспутах и юридической практике.

Квартирмейстер — на пиратских и каперских судах XVII века выборная должность, отвечавшая за распределение припасов, дележ добычи и поддержание порядка среди команды.

Мантилья — кружевная или шелковая накидка на голову и плечи, традиционная деталь испанского женского костюма.

Резекция — хирургическая операция по удалению части органа или конечности. В условиях корабельной медицины XVII века — обычное дело.

Глава 4. Подвиги сеньора Хуана

8 января 1664 года

Майор Хуан дель Тьерро обладал одним полезнейшим качеством: он всегда знал, о чем следует молчать.

Слово — добрый убийца. А молчание, порою, спасает.

О многом умолчал бывший комендант форта де Сан-Пауло. О том, как стоял он, в закатный час, закутавшись в плащ от сырого ветра.

Сизые тучи — предвестники дождя, тяжело провожали в пучину красное солнце. Караульные подняли крик. Среди волн, обросших пенными космами шторма, показался сигнальный огонь.

Галеон «Вальядолид» укрылся на одну ночь в бухте недостроенного форта.

Судно шло из Веракруса в Испанию с ценным грузом. Под конвоем еще двух кораблей. Но их выследили английские охотники.

В итоге конвой был разбит и разметан, а флагману чудом удалось скрыться от преследования.

Но капитан пошел на риск. Укрепления достроены еще не все. И в форте, кроме гарнизона, осталось много посторонних: рабочие, поденщики, торговцы, не убравшиеся на ночь. Но причал был каменный, а волнорез мог укрыть корабль от

бури.

Капитан галеона, дон Габриэль Хименес, стал ненадолго гостем коменданта. Они коротали вечер вдвоем. Ужин давно миновал. За окном вела игру непогода.

Разговор на возвышенные темы не ладился, карты надоели. А неотступное чувство близкой тревоги давило на плечи, не давало спать. У дона Габриэля шел к завершению тяжелый день. Комендант тоже был подавлен и хмур.

Господа обсудили перипетии плавания «Вальядолида», распили бутылочку мальвазии для гостей. чтобы немного развеяться, стали кидать кости.

— Судьба уже бросила кости за нас. Мы не мокнем на вахте и не стоим на прясле стены. Вы первый, — оживился немного дон Хуан.

Дон Габриэль, решив слегка прихвастнуть, выложил на стол небольшой бархатный футляр, из мягких объятий которого на коменданта уставился крупный изумруд. Золотая оправка камня напоминала развернутые птичьи крылья.

— Это не ставка, а, скорее, украшение нашей скуки.

— Мне еще не доводилось видеть столь совершенного в чистоте камня. Однако, эти язычники обращались с золотом слишком вольно. Верно, вкладывали в него колдовство. — мрачно заметил комендант, — Нынче не их время. А владельца такого сокровища, должно быть, хранит Создатель.

Кости метали без особого азарта. Проигрывая друг другу мелкие ставки. Капитан засиделся почти до полуночи.

А потом все же решил ночевать у себя. Еще через час отбыл.

Дон Хуан, сделав последний обход крепости, лег спать ближе к рассвету.

Лейтенант Мигель Каньо влетел в его покои с быстротой ядра и принялся трясти задремавшего командира.

— Проснитесь, сеньор! Тревога! Бунт!

Дон Хуан выпал из сновидений, вскочил и ринулся следом за лейтенантом. Дождь стоял сплошной стеной.

Каньо приоткрыл боковую дверь из казармы и замертво упал на пороге.

Сон отлетел.

Хуан сквозь шум разгулявшегося ненастья отчетливо слышал теперь треск редких выстрелов, россыпь теней, лязг клинков и отчаянную ругань.

Мортиры странным образом молчали. Не было и поддержки орудий галеона.

Переступая через убитых, Хуан стал пробираться наверх, на стену, прочь от комендантских покоев.

По дороге столкнулся с двумя рядовыми. То, что он увидел, поднявшись — не впечатляло, но ужасало.

В крепости царствовала резня. Мокрые латники уже отеснены от недостроенного узла стены. Видимо, нападавшие смогли проникнуть именно через этот участок, поднявшись по отвесной скале. Форт стоял на небольшом мысу и со сто-

роны моря был неприступен. Дерзнуть такую погоду? Что ж, там их не ждали

— Проклятые собаки! — Хуан прорубал себе дорогу к орудиям на западной стене. И вымещал горькое удивление. В нападавших он узнал новых рабочих, которые почти неделю трудились над завершением стены.

«Дьявол! Они не подняли своих через укрепления. Они просто открыли ворота! Я увяз в своих бедах, и пустил в форт волков» — майор добрался до оружейной площадки. Он бился. От разочарования и неудачных попыток преодолеть собственное бессилие остервенел. Давал команду развернуть хоть одно орудие внутрь стен, чтобы положить конец этому. Но можно было задеть своих. Помехой выступали темнота и дождь

Пираты хозяйничали везде. Многие пушки были заклинены, жерла забиты.

Рядом бился капитан Пако Суарес и четверо его рядовых. Рослые артиллеристы отбивались шомполом. Но пираты с обезьяньей ловкостью душили сопротивление.

Вскоре сеньор дель Тьерро понял, чьих рук это дело.

Напав на одного из разбойников, Хуан узнал его: шесть дней назад тот прибыл в крепость с партией рабочих рук представлялся доном Рикардо де Рохо.

Хуан захрипел и удвоил натиск.

Как он мог купиться? Достоинство, с которым держал себя этот человек, вызывали скорее доверие, нежели подозри-

тельность. Но таких он видел предостаточно. Главным доводом оказался небольшой лист бумаги с гербом и подписью губернатора.

Хуан успел задеть правую руку виновника ночного кошмара, но его удар ловко отбили. Схватка была вдвое короче, чем предполагал Хуан. Даже против невольного левши не хватило мастерства.

— Хуан, это Эспада! — ветер приносил крик Пако.

Хуан был намерен стоять на смерть. Но противник, почти играя, прижал испанца к стене и свел с лестницы вниз.

На последних ступеньках комендант поскользнулся и очутился в грязи. Противник обходился без благородного кокетства. Швырнув ему выбитую шпагу, меньше, чем через минуту заставил Хуана вновь проститься с оружием.

Что было после, дель Тьерро уже плохо помнил.

Последнее, что удержалось в памяти — это удар мушкетным прикладом в челюсть и падение в грязь.

На рассвете оставшихся в живых испанцев выкинули, как щенят, за пределы форта.

А сам форт уже при свете дня долго расстреливали из его же собственных береговых орудий, которые потом сбросили в море.

Рикардо посадил оставшихся в живых испанцев в шлюп и велел отправляться в Веракрус.

Еще об одном Хуан предпочел не сказать — о судьбе ко-

манды «Вальядолида». Потому как о ней теперь, действительно, лучше было молчать.

Пояснения:

Галеон — большое парусное судно XVI–XVII веков, которое использовалось для перевозки ценных грузов между Испанией и её колониями. Галеоны часто становились добычей пиратов.

Мальвазия — сорт сладкого ликерного вина, родом из Средиземноморья, высоко ценившийся в Европе XVII века. Название происходит от порта Монемвасия в Греции. В контексте беседы — лучшее, что мог предложить комендант.

Мортира — артиллерийское орудие с коротким стволом, предназначенное для навесной стрельбы (повышенной траекторией). Использовалась для поражения целей за укрытиями.

Шомпол — металлический или деревянный стержень для забивания заряда

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.